

Владимир Кожевников

Воронов.

Стальные крылья

Владимир Кожевников
Воронов. Стальные крылья

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Воронов. Стальные крылья / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Осень 1963 года. Алексей Воронов, чьё имя уже связано с первыми успехами советской космической программы, получает новое, ещё более амбициозное задание. Алексей Косыгин поручает ему создание композитных материалов для авиации — технологический рывок, который может изменить всю промышленность страны. Но на пути Воронова встаёт не иностранный шпион, а свой собственный бюрократ — министр авиапромышленности Кудрявцев, готовый на всё, чтобы сохранить власть. Саботаж, подделка документов, угрозы семье, ловушки и провокации — враг действует изнутри, используя все рычаги системы. Воронову предстоит не только доказать, что его идеи работают, но и научиться играть по новым правилам — правилам большой политики, где цена ошибки — свобода и жизнь. Однако у него есть союзники: Екатерина, верная команда молодых инженеров и старый друг Мironыч. Сможет ли Воронов выстоять в новой битве и сохранить то, что ему дорого, когда враг не дремлет, а будущее страны зависит от его выбора?

Содержание

Глава 1. Новый вызов	5
Глава 2. Старые враги, новые союзники	8
Глава 3. Ленинградский прорыв	10
Глава 4. Двойная игра	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Владимир Кожевников

Воронов. Стальные крылья

Глава 1. Новый вызов

Москва, 15 сентября 1963 года. Утро было холодным, и туман, который обычно рассеивался к восьми, сегодня держался до десяти, окутывая Кремль серой, тягучей пеленой, сквозь которую едва пробивались золотые купола соборов. Воронов стоял в приёмной председателя Совета Министров, сжимая в руках папку с документами, которые он просматривал уже пятый раз за последние полчаса, хотя каждое слово знал наизусть. Его пальцы слегка дрожали, и он не мог понять — от холода, проникавшего сквозь высокие окна, или от напряжения, которое сжимало грудь всё туже с каждой проходящей минутой.

Приёмная была обставлена с той сдержанной роскошью, которая отличала кабинеты высших партийных чиновников: массивные дубовые двери с бронзовыми ручками, отполированными до блеска, портреты классиков марксизма на стенах, тяжёлые шторы из тёмно-зелёного бархата, которые почти не пропускали свет. Пахло полированным деревом, старым табаком и ещё чем-то неуловимым — может быть, кожей кресел, а может, самой историей, которая въелась в эти стены за десятилетия, впиталась в каждую трещинку паркета, в каждую складку портьер.

Воронов перевёл дыхание. За его спиной была целая эпопея — арест Сабурова, разоблачение шпионской сети Соколова, уничтожение целого подпольного механизма, который почти похоронил лунную программу. Он прошёл через допросы, слежку, перестрелки, через холод склада в Ленинграде и жар кремлёвских коридоров. Но теперь наступала новая эра. Алексей Косыгин, новый председатель Совета Министров, пригласил его на личную встречу. Это было не просто приглашение — это было признание. И вызов. Он знал, что от этой встречи зависит его будущее, но он также знал, что он не один. Где-то там, в институте, ждала Екатерина, а где-то в мастерской на окраине города — Мироныч. Они были его опорой, но даже они не могли защитить его от того, что ждало впереди.

Дверь открылась, и секретарь, сухая женщина с безупречной причёской и стальными глазами, жестом пригласила его войти. Воронов шагнул через порог, и сердце его забилось быстрее.

Кабинет был огромным — высокие потолки с лепниной, массивный стол красного дерева, на котором лежали стопки папок, и окно, выходящее на Соборную площадь, где золотились купола Успенского собора. Косыгин сидел за столом, перебирая какие-то бумаги. Он был невысоким, с плотной фигурой и лицом, которое казалось усталым, но глаза его были острыми, цепкими — глаза человека, который привык всё замечать и анализировать. Он был одет в простой серый костюм без галстука, что подчёркивало его деловой, а не парадный стиль. В его движениях чувствовалась сдержанность и привычка к власти.

— Садитесь, товарищ Воронов, — сказал Косыгин, не поднимая головы. — Я вас внимательно слушаю. Но сначала я хочу сказать, что я знаю о вас больше, чем вы думаете. Я читал ваши отчёты по модернизации системы управления Н-1. Я читал докладные о вашей работе в НИИ-88 и о вашей роли в разоблачении шпионской сети. Вы произвели впечатление на Королева, а он редко хвалит людей. И, что более важно, вы произвели впечатление на Хрущёва. Это дорогого стоит.

Воронов сел, чувствуя, как в груди закипает странное волнение. Он не привык к похвалам от таких высоких лиц. Он привык быть незаметным, прятаться за спинами других, работать в тени. Но теперь он был в центре внимания.

— Я просто делал свою работу, — ответил он, стараясь говорить скромно, хотя внутри его переполняла гордость.

— Хорошая работа не бывает просто работой, — сказал Косыгин, поднимая на него взгляд. Его глаза были тёмными, почти чёрными, и в них читалась та особая усталость, которая бывает у людей, привыкших принимать трудные решения. — Я не стал бы вас вызывать, если бы не считал, что вы способны на большее.

Косыгин сделал паузу, словно собираясь с мыслями, затем продолжил:

— Товарищ Воронов, вы доказали свою преданность и свой талант. Но теперь я хочу поговорить о другом. Наша промышленность отстаёт от Запада. Это не секрет, и мы все это знаем, хотя не всегда говорим вслух. Мы производим сталь, уголь, тракторы — но нам не хватает новых материалов, новых технологий. Мы не можем конкурировать с американцами в авиации, потому что наши самолёты тяжелее, они потребляют больше топлива, они быстрее выходят из строя. Нам нужны композитные материалы — лёгкие, прочные, долговечные. Я знаю, что у вас есть идеи на этот счёт. Я хочу, чтобы вы возглавили программу по их созданию для авиации. Это важно для страны, для обороны, для престижа. Вы согласны?

Воронов почувствовал, как внутри всё оборвалось. Он знал, что композитные материалы — это будущее. В его мире, в 2024 году, они использовались повсюду — от корпусов самолётов до деталей для космических кораблей. Но он также знал, что внедрить их в советскую промышленность 1963 года будет почти невозможно. Консерваторы в министерствах, нехватка ресурсов, отсутствие оборудования, бюрократические проволочки — всё это могло задушить проект на корню. И всё же он не мог отказаться. Если он не сделает это, кто сделает? Кто ещё знает, что такое углеродное волокно и как его применять? Только он. Эта мысль одновременно грела и пугала.

— Я согласен, — сказал он, чувствуя, как холодная решимость закипает в груди. — Но мне понадобятся ресурсы и поддержка. Без них я ничего не смогу сделать. Мне нужны лаборатории, сырьё, квалифицированные кадры, а главное — время. И защита от тех, кто захочет нас остановить.

— Вы их получите, — ответил Косыгин. — Я дам вам доступ к фондам, кадрам, лабораториям. Но помните, Воронов: вы будете под моим личным контролем. Я не потерплю провалов. И я не потерплю, чтобы кто-то из министерств мешал вам. Если возникнут проблемы — обращайтесь ко мне напрямую. У меня есть рычаги, чтобы решать их.

Когда Воронов вышел из кабинета, он чувствовал, как на его плечи ложится тяжесть нового задания. Но он также чувствовал, что у него есть сила, чтобы нести эту тяжесть. Однако, когда он проходил через приёмную, его ждал сюрприз. У окна, скрестив руки на груди, стоял высокий, плотный мужчина в строгом тёмно-синем костюме, который, казалось, был сшит специально для него, чтобы подчеркнуть его мощную фигуру. Он смотрел на Воронова с неприкрытой враждебностью, и его губы были сжаты в тонкую линию. Это был министр авиационной промышленности, Михаил Иванович Кудрявцев — человек, о котором Воронов слышал только плохое. Говорили, что он держит отрасль железной рукой, не терпит новшества и ненавидит всех, кто вмешивается в его дела. Говорили, что он способен уничтожить карьеру любого, кто встанет у него на пути. Его лицо было красным, а глаза — холодными, как льдины, и в них не было ни капли тепла.

— Так вы тот самый Воронов, — сказал он, и его голос звучал как сталь, лишённая всякой теплоты. — Я слышал о вас. Вы слишком много на себя берёте, молодой человек. Моя отрасль — это моя отрасль, и я не потерплю, чтобы какой-то техник-наладчик указывал мне, как работать. Посмотрим, как вы справитесь без моей поддержки. Имейте в виду: у меня длинная память, и я не забываю обид.

Воронов посмотрел ему прямо в глаза. Он чувствовал, как внутри закипает холодный гнев, но он заставил себя сохранять спокойствие. Он не мог позволить себе показать слабость перед этим человеком.

— Я справлюсь, товарищ Кудрявцев, — сказал он, и его голос был ровным, хотя сердце колотилось где-то в горле. — И я надеюсь, что мы сможем работать вместе на благо страны. Но если нет — я найду другие пути. У меня есть поддержка Косыгина, и я намерен использовать её.

Кудрявцев усмехнулся, но в его усмешке не было веселья — только угроза. Он развернулся и вышел из приёмной, не оглядываясь, и его шаги гулко разносились по коридору.

Воронов остался один. Он смотрел на закрывшуюся дверь и чувствовал, как на плечи ложится тяжесть нового задания. Его новый пост — это не только власть и возможность изменить будущее. Это ещё и мишень. Кудрявцев стал его врагом, и это была лишь первая битва. Впереди их будет много. Но Воронов знал одно: он не сдастся. Он прошёл через слишком многое, чтобы отступить сейчас.

Он вышел из здания на улицу, и холодный ветер ударил ему в лицо. Москва жила своей жизнью — трамваи грохотали по рельсам, прохожие спешили по своим делам, и только он чувствовал, как мир вокруг него становится полем битвы. Он сжал папку с документами в руке и направился к метро. Завтрашний день начнётся новая глава его жизни.

Глава 2. Старые враги, новые союзники

Воронов вернулся в институт с тяжёлым сердцем, и тяжесть эта не проходила даже спустя часы. Разговор с Косыгиным был обнадеживающим — он чувствовал, что у него есть поддержка на самом верху, что его идеи ценят и готовы дать им ход. Но встреча с Кудрявцевым оставила горький осадок, который въелся в мысли, как табачный дым въедается в старые шторы. Он знал, что министр авиапромышленности не остановится ни перед чем, чтобы сохранить свою власть и контроль над отраслью. Кудрявцев был из тех людей, кто держался за своё кресло зубами и когтями, и любое вмешательство извне воспринимал как личную угрозу. Его глаза, холодные, как льдины, и голос, звучащий как сталь, не выходили у Воронова из головы.

Всю ночь он не спал, перебирая в голове возможные сценарии развития событий. Он сидел на кухне своей комнаты в коммуналке, глядя на тёмное окно, и прокручивал каждое слово Косыгина и каждую усмешку Кудрявцева. Он думал о том, что его новые полномочия — это не только власть и возможность изменить будущее. Это ещё и мишень, которая делает его уязвимым для тех, кто боится перемен. Кудрявцев не успокоится, пока не уничтожит его. Это было ясно, как день.

Утром он пришёл в институт раньше всех, когда в коридорах ещё витал запах утренней уборки, а за окнами только начинало светать. Он сел в своём кабинете, зажег настольную лампу с зелёным абажуром и начал составлять список того, что ему нужно для начала работы: лабораторное оборудование, сырьё, квалифицированные кадры, доступ к заводским мощностям. Список был длинным, и он понимал, что большинство позиций ему не дадут без борьбы. Кудрявцев контролировал распределение ресурсов в авиационной промышленности, и он не упустит шанса перекрыть Воронову кислород.

Его мысли прервал тихий стук в дверь. Вошла Екатерина, и по её лицу он понял, что она уже что-то знает. Она была бледна, под глазами залегли тени — видимо, тоже не спала. Она села напротив, положила на стол папку с документами и посмотрела на него с тревогой.

— Я слышала о Кудрявцеве, — сказала она, и её голос был тихим, но напряжённым. — Он уже начал действовать. У него есть люди в Министерстве, которые готовят почву для твоего отстранения.

— Откуда ты знаешь? — спросил он, нахмурившись.

— У меня есть знакомый в секретариате Министерства. Он сказал, что Кудрявцев готовит докладную Косыгину. Он утверждает, что твои идеи о композитных материалах — это антинаучная фантастика, что они не имеют под собой реальной основы и не могут быть внедрены в серийное производство. Он также утверждает, что ты не имеешь права руководить проектом из-за отсутствия профильного образования и стажа. Он требует твоего отстранения и передачи проекта под его контроль.

Воронов почувствовал, как внутри закипает холодный гнев, смешанный с отчаянием. Он не успел даже начать, а враг уже наносил удар, используя бюрократические рычаги, которые так хорошо знал.

— Я должен опередить его, — сказал он, сжав кулаки. — Нужно доказать, что мои идеи работают на практике. Но для этого мне нужны ресурсы, которых у меня нет. Лаборатории, оборудование, сырьё. Без них я ничего не смогу сделать.

— Косыгин обещал поддержку, — напомнила Екатерина. — Может быть, он уже дал указания?

— Да, но Кудрявцев может перехватить их на уровне Министерства. Он контролирует распределение ресурсов. Мне нужен кто-то на местах, кто готов работать, несмотря на его запреты.

В этот момент в дверь снова постучали, и вошёл секретарь директора, молодой парень с встревоженным лицом.

— Товарищ Воронов, вас срочно вызывают к директору. Там кто-то из Министерства.

В кабинете директора, помимо самого начальника института, сидел незнакомый человек — сухой, пожилой мужчина с острыми, цепкими глазами, которые, казалось, видели всё насквозь. Он был одет в простой, но дорогой костюм из тонкой шерсти, и держал в руках кожаный портфель, потёртый по углам — видимо, старый и надёжный спутник. Директор представил его как представителя Косыгина, но гость не назвал своего имени.

— Товарищ Воронов, — сказал он, и его голос был тихим и деловитым, без лишних эмоций, — я здесь, чтобы помочь вам организовать работу. Косыгин поручил мне следить за ходом программы и решать бюрократические вопросы. Но у меня есть информация, которая вас заинтересует. Кудрявцев уже начал действовать, и вы должны знать, что он не остановится. Я знаю, что у вас есть идеи, и я верю, что они могут изменить нашу промышленность. Поэтому я предлагаю вам альтернативу.

Он сделал паузу, давая Воронову время осознать услышанное.

— Есть один директор завода в Ленинграде, который готов сотрудничать с вами, несмотря на Кудрявцева. Его зовут Сергей Иванович Громов. Он руководит заводом «Красный выборжец» уже десять лет. Он старый, опытный производственник, который знает, как работать с металлом, и он давно хочет внедрить новые технологии. Но Кудрявцев блокирует все его инициативы, потому что боится, что Громов станет независимым. Громов — ваш человек. Он готов предоставить вам оборудование, рабочих, лабораторию. Я организую вам встречу. Завтра вы едете в Ленинград.

Воронов задумался. Это был шанс — может быть, единственный. Но он также мог быть ловушкой. Он посмотрел на представителя Косыгина прямо в глаза, стараясь уловить фальшь.

— Почему вы помогаете мне? — спросил он. — У вас есть свои интересы?

Человек усмехнулся — впервые за весь разговор, и его улыбка была хищной, но не злой.

— У меня есть свои причины, — сказал он. — Кудрявцев перекрыл мне доступ к важным контрактам много лет назад, когда я работал в другом министерстве. Я хочу, чтобы он проиграл. И я верю, что ваши идеи могут изменить страну. Но предупреждаю: если вы провалитесь, я скажу, что вы действовали без моего ведома. Это наша сделка. У вас есть неделя, чтобы доказать, что вы чего-то стоите. Завтра в семь утра поезд на Ленинград. Билеты уже заказаны.

Когда он ушёл, Воронов вернулся в свой кабинет. Он сидел за столом, глядя на список ресурсов, и чувствовал, как в груди закипает холодная решимость. У него был шанс. Он должен был использовать его.

Вошла Екатерина.

— Я всё слышала, — сказала она. — Я еду с тобой. Ты не должен быть один, когда вокруг столько врагов.

— Это опасно, — сказал он. — Кудрявцев может узнать о поездке. Он может попытаться остановить нас.

— Тогда мы будем осторожны. Но я не позволю тебе идти туда одному. Мы работаем вместе, и я не отступлю.

Воронов посмотрел на неё и увидел в её глазах стальную решимость. Она была права. Ему нужны были союзники, а она была лучшим из них. Он кивнул.

— Хорошо. Завтра в семь утра мы едем в Ленинград.

Он подошёл к окну и посмотрел на серое утреннее небо. Москва просыпалась, и он знал, что это только начало. Впереди была поездка в незнакомый город, встреча с неизвестным человеком и риск, который мог стоить ему всего. Но он был готов.

Глава 3. Ленинградский прорыв

Поезд Москва-Ленинград отходил в семь утра. Воронов и Екатерина сидели в купе, глядя на проплывающие за окном поля, перелески и редкие деревеньки, которые мелькали за стеклом, как кадры старой кинохроники. За окном уже начиналась золотая осень — берёзы горели жёлтым, трава на лугах серебрилась от утренней росы. Воронов чувствовал, как напряжение, державшее его последние дни, понемногу отпускает, сменяясь предвкушением. Он думал о том, что его жизнь изменилась за последние полгода — от техника-наладчика, которого чуть не уволили, до руководителя программы, которому доверяет сам Косыгин. Это было головокружительно и страшно одновременно.

Он посмотрел на Екатерину, которая дремала на соседнем месте, и почувствовал благодарность за то, что она была рядом. Она была его опорой, его якорем в этом бурном море. Без неё он бы не справился.

Поезд прибыл в Ленинград ровно в полдень. Вокзал встретил их привычным шумом и суетой — пассажиры спешили по своим делам, носильщики тащили багаж, и в воздухе витал запах паровозного дыма и сырости. Воронов огляделся, пытаясь найти встречающего. И тут он заметил высокого, седого мужчину с табличкой «Воронов» в руках. Он стоял в стороне от толпы, опираясь на трость, и выглядел так, будто ждал их уже давно.

Это был Громов. Он оказался выше, чем представлял Воронов, с сутулой спиной и лицом, покрытым сетью морщин, но глаза его были живыми, цепкими — глаза человека, привыкшего видеть больше, чем говорят. Он пожал Воронову руку, и его ладонь была твёрдой и сухой.

— Добро пожаловать в Ленинград, товарищ Воронов, — сказал он, и его голос был низким, с хрипотцой — следствие многолетней работы в шумных цехах. — Я слышал о вас. Косыгин сказал, что вы тот, кто может помочь нам.

— Я тоже слышал о вас, Сергей Иванович, — ответил Воронов. — Надеюсь, мы сработаемся.

Громов кивнул, и они вышли из вокзала. Его машина — старая, но ухоженная «Победа» — ждала их на площади. Пока они ехали к заводу, Громов рассказывал о городе, о заводе, о своей работе. Он говорил с увлечением, но Воронов чувствовал, что за этой увлечённостью скрывается усталость и горечь.

Завод «Красный выборжец» находился на окраине города, в промзоне, где старые кирпичные здания соседствовали с новыми цехами. Ворота были массивными, с кованой решёткой, а над ними — красная звезда и лозунг: «Даёшь пятилетку в четыре года!». Внутри пахло маслом, металлом и ещё чем-то — может быть, историей. Воронов сразу заметил, что завод был старым — стены помнили ещё блокадные годы, — но оборудование содержалось в идеальном порядке.

Громов провёл их по цехам. Они прошли мимо рядов станков, где рабочие в промасленных спецовках сосредоточенно обрабатывали детали. Гул моторов заполнял пространство, и Воронову казалось, что сам воздух здесь вибрировал. Громов показывал лаборатории, где работали инженеры в белых халатах, и склады, где хранились материалы.

— Мы давно хотим внедрить новые технологии, — сказал Громов, когда они остановились у старого токарного станка. — Но Кудрявцев блокирует все наши инициативы. Он боится, что мы станем независимыми и перестанем выполнять его планы. У меня есть идеи, есть люди, готовые работать, но без поддержки сверху я ничего не могу сделать.

Он посмотрел на Воронова с надеждой, и в его глазах промелькнула боль.

— Я слышал, вы можете это изменить, — сказал он. — Я готов рискнуть.

Воронов объяснил свою идею: использовать композитные материалы, армированные углеродным волокном, для создания нового типа крыла для пассажирских самолётов. Он гово-

рил о снижении веса, увеличении прочности и экономии топлива. Громов слушал внимательно, иногда задавая уточняющие вопросы, и в его глазах загорался интерес.

— Это то, что нам нужно, — сказал он, когда Воронов закончил. — Но для этого нужно специальное оборудование. У нас его нет. Однако я знаю, где можно достать. Есть один склад на окраине города, где хранится списанное оборудование из военных НИИ. Если мы сможем его получить, мы сможем начать работу в течение месяца.

Воронов понял, что это шанс. Он уже начал планировать, как организовать вывоз оборудования, но, когда он вышел из заводоуправления, он заметил подозрительного человека, который стоял у ворот и следил за ним. Он был в сером плаще, с газетой в руках, которую держал вверх ногами. Воронов узнал его — это был тот самый человек, который следил за ним в Москве, который стоял в тени колонны у Кремля и кивал ему, признавая поражение.

— Он здесь, — прошептал он Екатерине, которая стояла рядом.

Она побледнела и сжала его руку. Они знали, что это означало: Кудрявцев уже узнал о его поездке. Игра становилась опаснее.

— Нам нужно быть осторожными, — сказал Воронов. — Кудрявцев знает, где мы. Он будет пытаться помешать нам.

Он посмотрел на серое небо Ленинграда и почувствовал, как в груди закипает холодная решимость. Он не должен был проиграть.

Глава 4. Двойная игра

Воронов и Екатерина вернулись в гостиницу, чувствуя, затылками пристальный взгляд. Гостиница была старой — с высокими потолками, скрипучими половицами и запахом сырости, который, казалось, въелся в стены за десятилетия. Они заперлись в номере, задернули тяжёлые шторы, и только тогда позволили себе выдохнуть.

— Это человек Кудрявцева, — сказала Екатерина, сжимая руки в замок. Она была бледна, и её голос дрожал. — Он хочет знать, что мы делаем в Ленинграде. Если он доложит о нашем сотрудничестве с Грозовым, у нас будут проблемы. Кудрявцев использует это, чтобы дискредитировать нас, представить нас как заговорщиков, работающих против Министерства.

— Возможно, — ответил Воронов, чувствуя, как внутри закипает холодная решимость. Он подошёл к окну и осторожно, одними пальцами, отодвинул край шторы. Внизу, у фонаря, стоял тот самый человек в плаще, делая вид, что читает газету. — Но мы не должны показывать, что заметили его. Пусть думает, что мы ничего не подозреваем. Мы будем действовать так, как будто всё в порядке. Это единственный способ выиграть время.

— А если он попытается помешать нам? — спросила Екатерина.

— Тогда мы будем готовы. Но сначала мы должны встретиться с Грозовым и обсудить план получения оборудования.

На следующий день Воронов встретился с Грозовым в его кабинете на заводе. Кабинет был небольшим, заставленным шкафами с папками и чертежами. На стене висел портрет Ленина, а на столе стояла лампа с зелёным абажуром, которая отбрасывала мягкий свет на бумаги. Они начали обсуждать план, но едва Воронов раскрыл папку, как дверь открылась без стука, и в кабинет вошёл незнакомец.

Он был высоким, выше Воронова на голову, с широкими плечами, которые распирали пиджак идеальной посадки. Его лицо было гладким, без морщин, но глаза — тёмные, пронзительные — смотрели с той особенной настороженностью, которая бывает у людей, привыкших считать каждый свой шаг. В руке он держал кожаный портфель, и, когда он вошёл, от него пахло дорогим одеколоном — резким, с нотками цитруса и можжевельника.

— Прошу прощения за вторжение, — сказал он, закрывая за собой дверь. Его голос был низким, с лёгкой хрипотцой, и он звучал уверенно, почти властно. — Меня зовут Владимир Николаевич. Я сотрудник Министерства внешней торговли. Я слышал, что вы ищете оборудование, и я могу помочь вам получить его быстрее. У меня есть доступ к складам, о которых вы не знаете. Там есть всё, что вам нужно для ваших экспериментов.

Воронов насторожился. Его интуиция, отточенная за месяцы борьбы со шпионами и бюрократами, забила тревогу. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Он переглянулся с Грозовым, который выглядел озадаченным, и с Екатериной, которая стояла у стены, настороженно наблюдая за незнакомцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.